

Фаддей Венедиктович Булгарин

Невероятные небылицы, или Путешествие к средоточию Земли

Рассказ впервые опубликован в 1825 году.

Из книги: Булгарин Ф. В. Сочинения. Москва: Современник, 1990.

Фаддей Булгарин

Невероятные небылицы, или Путешествие к средоточию Земли

— Как вы думаете, Архип Фаддеевич, — неужели наша земля обитаема только на поверхности?

— Почему знать! — отвечал он. — Наши ученые обыкновенно занимаются более отвлеченностями, стараются заглянуть за пределы Сириуса и не смотреть себе под ноги.

— От того-то они так часто и падают! — отвечал я.

— Странно, — сказал Архип Фаддеевич, — что мы до сих пор не успели еще описать поверхности земли, исчислить всех полезных и вредных растений, описать животных, населяющих воды, поверхность и первую оболочку земли и атмосферы, не исследовали еще всех племен рода человеческого, а желаем постигнуть, как и из чего создана земля! Начиная от египетских жрецов, которые первые старались истолковать непонятные феноме-

ны, все мудрецы блуждали в сем лабиринте. Но что значит ум человеческий пред единым мановением воли Создателя! Одна только гордость наша влечет нас к разрешению тайн творения, которые останутся навсегда непроницаемыми. Могут ли люди верить мудрецам, когда каждый из них доказывает мнение противоположное? Фалес, следуя египтянам, полагал воду первородным материалом земли, а Зенон — огонь. Согласись, что мудрено понять, чтоб одно и то же вещество могло произойти от разнородных стихий. Бурнет, Бюффон, Гюттон, Ньютон, Вейтторст и другие философы равно заблуждались в мечтаниях; наконец, Сосюр и Вернер, отбросив гипотезы, занялись исследованием одной оболочки или, так сказать, коры земной, подлежащей осязаемым опытам. Несколько сот сажень под землю и столько же вверх — вот предел нашей надменной премудрости, которая стремится к открытиям и толкованиям непроницаемого и неисповедимого. Как же ты хочешь знать о средоточии Земли!

— Но нельзя ли что-нибудь составить из предположений, из теории вероятностей, —

сказал я.

— Самая достоверная вещь из теории вероятностей есть то, что люди, руководствуемые одним своим рассудком, беспрестанно ошибаются в нравственных и физических изысканиях, и потому не должно стремиться за пределы возможного — не смотреть беспрестанно вверх, чтобы на земле не сломать себе шеи и не рыться всегда в земле, чтобы не сделаться самому ископаемым. *Est nobis in rebus*, любезный друг! Отвлеченности должны основываться на опытах, опыты должны облагороживаться отвлеченностями.

Разговор наш скоро прекратился, потому что мы беседовали на Невском проспекте. Через два дня Архип Фаддеевич прислал ко мне рукопись, при письме, которые сообщаю моим читателям, ибо я привык разделять с ними все мои умственные наслаждения.

ПИСЬМО АРХИПА ФАДДЕЕВИЧА

«Пришедши домой после нашего последнего свидания, я вспомнил, что у меня хранится рукопись неизвестного автора, купленная мною некогда за семь гривен у разносчика

книг в Москве. Она удовлетворит твоему любопытству, в рассуждении средоточия Земли в таком отношении, как ты желал. Повествование это похоже на „Не любо — не слушай, а лгать не мешай“; однако ж кое-что похоже и на правду. Прочти и суди сам.»

Бурею занесло нас к Новой Земле. Когда ветер утих, капитан послал меня в шлюпке на берег, осмотреть, нет ли где поблизости пресной воды. Я с двумя матросами взобрался на вершину одной горы, чтоб оттуда взглянуть на окрестности. У подножия большого камня приметил я отверстие или пещеру и вошел в нее, чтобы посмотреть, нет ли там источника. Один матрос следовал за мною. Лишь только я сделал несколько шагов, земля обрушилась подо мною и я стремглав покатился вниз. От страха я потерял память, и когда пришел в себя, то находился во мраке и чувствовал возле себя что-то движущееся. Это был мой Джон, матрос, вошедший со мною в пещеру. Он сохранил все присутствие духа во время падения и сказал мне, что мы катились по мягкому песку чрезвычайно долго, по крайней ме-

ре сутки. У него было в кармане огниво и огарок восковой свечи. Мы засветили огонь и крайне изумились, увидев, что находимся в пещере, которой не видели конца ни в одну сторону. Земля покрыта была травой и деревьями белого цвета {Во время первого путешествия капитана Парри в полярные страны он разводил там кресс, который хотя вырос без влияния солнечных лучей, но был белого цвета. Стебли растений в земле также белы.}, а в нескольких шагах от нас протекал источник чистой воды. Утолив жажду и голод плодами довольно вкусными, вроде трюфелей, мы набрали смолистых сучьев и с зажженными пуками пошли вперед по берегу источника. Через несколько времени увидели мы несколько землянок, обитаемых животными, которые привели нас в страх. Они были похожи на пауков, с большими брюхами, на коротких ногах, с двумя руками и весьма малою головою. Они подняли крик при виде света и скрылись в своих подземельях. Зная, что рано или поздно мне должно будет встретиться с этими животными, я презрел всякую опасность и, вынув свой кортик, осмелился войти

в землянку. Одно из сих животных встретило меня у входа и, к величайшему моему удивлению, заговорило на языке турецком с примесью испанских итальянских слов. Путешествуя долго на Востоке и по Западной Европе, я понял довольно хорошо речь оратора, который спрашивал меня: кто я, откуда пришел, зачем и что значит это вещество (огонь), нестерпимое для их взоров? Пытаясь говорить на всех известных мне языках, я наконец успел растолковать, что я житель поверхности земли, называюсь человеком, нечаянно провалился в сию страну, и что вещество, освещающее меня, есть огонь или свет, без коего я не могу видеть предметов во мраке. Я, со своей стороны, предложил также вопросы, на которые животное отвечало мне, чревоуказательным голосом, следующее:

— Мы не знали, что есть над нами поверхность земли, обитаемая подобно ее внутренности. Страна наша называется Игноранциею, а жители игнорантами.

Мы не знаем употребления вещества, называемого вами огнем или светом, и хотя имеем едва приметные глаза, но видим очень

хорошо предметы, необходимые для пищи. Природа весьма к нам щедра: у нас множество разных плодов и растений для нашего пропитания, и это составляет также главнейшее наше упражнение.

Сделайте милость, спрячьте ваш свет: мы не можем на него смотреть, а я между тем пойду успокоить жителей города на ваш счет. Будьте спокойны: мы вам не сделаем никакого зла.

Я потушил огонь и остался во мраке, следуя правилу, что для собственного спокойствия должно сообразоваться с нравами и обычаями жителей той страны, где мы находимся. Во время отсутствия хозяина окружило меня его семейство и начало обременять вопросами.

— Есть ли у вас женщины? — спросила одна, по-видимому, хозяйка.

— И прелестные! — отвечал я.

— Добры ли они, нежны ли и верны своим мужьям? — спросил мужской голос.

Я люблю говорить правду только в глаза и потому описал наших женщин самыми блестящими красками и сказал, что они тихи

как вода, постоянны как мрак и нежны к мужьям как человек к пище. Я должен был сообразоваться с понятиями окружавших меня и потому уподоблял прекрасный пол с виденными мною предметами и слышанными осклоннностях игнорантов.

— Любят ли ваши женщины наряды? — спросил тоненький голосок.

— Только из одной пристойности, — отвечал я, думая, что мои слушатели не заметят во мраке, что я покраснел, а позабыл при том, что они видят и без света. Я в этом случае похож был на страуса, который, спрятав голову под крыло, воображает, что его никто не видит, или, лучше сказать, на лгуна, который думает, что без свидетелей можно лгать безбоязненно.

— Вы счастливее нас, — проворчал басом некто, вероятно, несчастный муж. — Наши женщины легкомысленны, непостоянны и все свое счастье поставляют в нарядах!

— Позвольте усомниться! — отвечал я и в то же время услышал приятный шепот женского пола:

— Как он мил! как любезен!

Между тем мой Джон, который во все это время молчал и держался за полу моего платья, сказал мне:

— Я не постигаю, каким образом вы можете изъясняться с этими животными; но вижу, что мы, по крайней мере, не умрем здесь с голоду, ибо, судя по желудкам сих подземных жителей, должно полагать, что они имеют хороший аппетит. Попросите у них какого-нибудь крепкого напитку: это освежит мои силы.

Лишь только я объявил о желании моего товарища, женщины принесли целую корзину вкусных плодов и огромную глиняную красоулю[1] с напитком, похожим на ром. Когда я спросил, каким образом его готовят, они мне отвечали, что это извлечение из трав, или экстракт, составляющий любимое наслаждение игнорантов. Матрос мой нашел этот напиток чрезвычайно вкусным и сознался, что игноранты весьма умные люди, ибо поставляют счастье в пище и питье. В доказательство своего собственного ума он так накушался, что заснул на месте, сказав, что во мраке приличнее всего спать, чтобы излиш-

нею деятельностью не сломать себе шеи.

В это время хозяин возвратился и объявил мне, что городское общество положило в своем совете дать мне квартиру в его доме и кормить меня с моим товарищем на счет города, пока мы не изберем себе рода жизни.

— Это очень умно, — сказал я, — и я начинаю получать весьма выгодные впечатления насчет вашего просвещения.

— А что такое просвещение? — спросил меня хозяин.

— Науки, литература, художества, законы и проч., и проч., и проч.

Но мой хозяин не понимал меня и просил растолковать. Когда я с великим трудом успел изъяснить ему, что такое просвещение, то целое семейство захохотало во все горло, и хозяин сказал мне, что игноранты не знают других наук и искусств, кроме умения есть, пить, спать и беседовать о вчерашнем и завтрашнем, о погоде, женщинах, нарядах и т. п., и что высочайшая степень их премудрости состоит в игре в зерна, называемой чет и нечет.

— Однако ж ваши наряды требуют также искусства? — сказал я.

— Небольшого, — отвечал хозяин. — Вы видели, что наши женщины убираются в раковины, ткани из растений, совиные перья, крылья нетопырей, разноцветные камешки и т. п. Главное дело состоит в разнообразии и пестроте.

Это почти то же, что и у нас, — подумал я.

Не стану описывать трехмесячного моего пребывания в Игноранции. Можно вообразить себе, какова была моя жизнь между народом, чуждым всякого просвещения, не знающим даже грамоты, который поставляет все благо в удовлетворении физических потребностей плодами, собираемыми без всякого труда. Напротив того, моему Джону чрезвычайно там понравилось, и он бы всегда там остался, если б необыкновенный случай не вывел нас из сей страны.

Я позабыл сказать, что у моего Джона уцелел топор, который он имел за поясом во время нашего падения. Я уговорил его выдолбить челнок из пня большого дерева. Он исполнил это за городом в лесу, при огне, и мы, к великому удивлению всех жителей, поплыли во-

дою, по ручью, который был чрезвычайно быстр. Проехав несколько верст, почувствовали мы опасность, которой прежде не предвидели. Быстрота влекла нас с необыкновенною скоростью, и мы не могли никак управиться с челноком. Наконец оба весла сломались в одно время на крутом повороте, и нас помчалю на утес. Факел, сделанный нами из смолистого дерева, погас, и наш челнок попал в водоворот. Вот мы думали, что наше странствие кончилось навеки, но судьбе было угодно спасти бедняков. Открыв глаза, я увидел: что лежу на берегу шумной реки; кругом луга покрыты были светлою зеленью, и мерцание утра разливало на предметы слабый свет. Джон также спасся от гибели, и мы чрезвычайно обрадовались, что попали в страну, где не будем жить во мраке, подобно кротам. Поправившись от ужасного нашего приключения, мы пошли на гору, где приметили дым и увидели деревню, в которой домики похожи были на шалаши дикарей Северной Америки.

Неизбежная опасность делает смелым труса, а храброму сообщает какое-то хладнокровие в жизни и смерти. Я пошел прямо в де-

ревню, не слушая Джона, который советовал мне подождать в кустах и высмотреть, с кем нам должно иметь дело. При входе в главную улицу, встретил я несколько животных, похожих на орангутангов, которые, увидев меня, с криком разбежались по своим шалашам и выглядывали в окна с боязнью и любопытством. Толпа маленьких животных бежала издали за нами, точно так, как деревенские наши мальчишки бегают за медведем, водимым на цепи. Они бросали в нас палками и камнями.

Такое приветствие не предвещало нам ничего доброго, но мы шли вперед: я вооруженный кортиком, а Джон топором, решившись, в случае нападения, защищаться до последней крайности. Достигнув большой площади, мы увидели толпу сих животных, вооруженных булавами и пиками, ожидавших нас в боевом порядке. Мы остановились и знаками изъясняли свои мирные намерения; тогда одно животное вышло из толпы, приблизилось к нам, протянуло голову, чтоб лучше рассмотреть нас своими малыми, чуть приметными глазами, и спросило меня грозным голосом

на малайском наречии:

— Кто вы, откуда и зачем?

Я должен был отвечать то же, что игнорантам, и сказал {Излишним почитаю уведомить моих читателей, что я, живши долгое время в Индии, изучился малайскому языку.}:

— Мы люди, обитатели поверхности Земли, несчастным случаем провалились во внутренность нашей планеты и просим гостеприимства!

Вопрошающее меня животное улыбнулось и, оборотившись к своим, громко закричало:

— Эти животные называют себя людьми и просят гостеприимства.

— Неужели это люди?

— Какое странное создание!

— Люди, люди! — раздалось в толпе, и громкий хохот поднялся со всех сторон.

— Добро пожаловать, господа люди! — сказал прежний допросчик с громким смехом. — Мы обещаем вам гостеприимство и безопасность. Сказать правду, мы не знали, что есть другие люди, кроме нас, и почли было вас за диких зверей.

— Но позвольте спросить, кто вы таковы и

как называется эта страна?

— Страна называется Скотиния, а мы зовемся скотиниотами. Мы почитаем себя самыми умными, учеными и образованными из всех обитателей земного котла. Но об этом после, а теперь познакомьтесь с жителями столицы.

Мы приблизились к толпе, которая расступилась пред нами и составила круг. Всякий рассматривал нас с величайшим любопытством. Я заметил, что скотиниоты все вообще слабого зрения и почти не видят далее своего носа.

Приближаясь к нам, они просили дозволения познакомиться с нами ощупью и, удивляясь всему строению нашего тела, самое большое внимание обращали на наши глаза, которые величиною своею казались им чрезвычайно безобразными.

Глаза скотиниотов были не более булавочной головки, уши ослиные, рот во всю ширину лица, и рыльце наподобие обезьяньего. Тело покрыто было мягкой шерстью различных цветов; вместо одежды они носили шотландские передники и короткие плащи, покры-

вавшие только спине.

Между тем пока простой народ разглядывал нас в безмолвии, один знатный и богатый житель столицы хотел нас увидеть. Толпы раздалась пред колесницею, запряженною двенадцатью сурками, которыми управлял сам господин, с большим искусством. Остановившись пред нами, он сошел с колесницы, отдал вожжи своему скороходу и, подошедши к нам, спросил:

— Знаете ли вы меня?

— Нет! — отвечал я.

— О, невежество! — воскликнул он. — Неужели до вас не достигла слава Дуриндоса, изобретателя двух новых паштетов и тринадцати соусов, плащей с гремушками, стоцветных фартуков, покровителя всех стихоплетов и прозолотов Скотинии, сочинителя сатирико-критико-прозаико-стихотворных произведений, который...

Дуриндос продолжал говорить около часа о своих достоинствах, исчислял сочинения, где ему напечатаны похвалы, имена своих клиентов — великих любомудров и едоков, и проч., и проч. Пока он говорил, я рассматри-

вал его вздернутую физиономию и одежду, обвешенную побрякушками и составленную из разноцветных лоскутков, и когда он кончил, то я, желая приобрести покровительство человека, у которого есть паштеты, соусы и приятели, подчинился обстоятельствам и сказал:

— Жаль, что вы прежде не объявили своего имени: оно гремит даже на поверхности земли, и я почитаю себя счастливым, что встретился с великим защитником всего малого и великого.

Этот комплимент столько обрадовал Дуриндоса, что он пригласил нас жить у себя в доме, обещая познакомить с целым городом и показать все, достойное любопытства.

Приступая к описанию виденного и слышанного мною во время краткого моего пребывания в Скотинии, я должен предупредить читателя, что смешное самохвальство, самонадеянность и невежество не суть отличительные черты одного моего хозяина Дуриндоса, но что это общий характер всех скотиниотов.

Мне даже досадно, что я должен в таком

виде представлять Дуриндоса, впрочем человека доброго, человеколюбивого, гостеприимного, даже хлебосола. Боюсь, чтобы не почли меня неблагодарным; но общие черты характера целой породы не могут быть причтены в вину одному лицу. Одним словом: Дуриндос виновен только тем, что родился скотиниотом.

Он велел нам следовать за собою в свой дом. Мы вошли в его шалаш, который составлял только крышу над входом, а жилища устроены были под землю в норах и расположены весьма удобно, исключая одной неприятности, то есть недостатка окон. Стены обложены были деревом и украшены различными тканями.

Зажгли ночники, и хозяин предложил нам подкрепить силы свои паштетом с трюфелями и вином, которое нам показалось очень вкусным. Вышедши на поверхность, я крайне удивился, видя все то же самое мерцание, при каком я прибыл в Скотиную, невзирая на то что уже прошло несколько часов. Дуриндос объяснил мне это, сказав:

— Вы пришли в город вскоре после перво-

го восстания от сна, и теперь ровно полсутки.

— Как! — воскликнул я. — Неужели у вас никогда не бывает светлее?

— Никогда, — отвечал он, — ни светлее, ни темнее.

— Как вы разделяете свое время?

— Сном и едою: четыре обеда и три сна составляют сутки; трое суток неделю, двенадцать недель месяц, а двадцать четыре месяца год.

— Есть ли у вас какая машина для распределения и измерения времени? — спросил я.

— Без сомнения: у нас есть времяпроводники; посмотрите, если угодно.

Дуриндос велел подать скотиниотские часы. Это был прозрачный сосуд, из какого-то особенного металла, сделанный наподобие песочных часов и точно такого же механизма. Вся разница состояла в том, что вместо песка он наполнен был вином. На поверхности были отмечены двенадцать часов или эпох, составляющих скотиниотские сутки, а в нижней половине сосуда находился рожок или горлышко, чрез которое выпивалось вино постепенно после каждого часа, для предо-

хранения сосуда от ржавчины; ибо этот металл имел такое свойство, что портился от одного вина и был невредим целые веки, если вино переменяли часто.

— Дайте мне какое-нибудь понятие об астрономии и географии нашей страны и о степени ее просвещения! — сказал я.

— Г-м, г-м! — проворчал Дуриндос. — Это не мое дело; я хотя и все знаю, но предпочтительно занимаюсь изящным, то есть кушаньем, вином и критико-сатирико-прозаико-поэтическими трудами. К третьему обеду у меня будут многие ученые, а между прочими, один философ и один гений-теорик — они вам объяснят все, что вам угодно: из скольких песчин составлена земля, где ее центр, что есть ум; решать, не запинаясь, что хорошо и что худо; истолкуют все, что от бесконечно малого до бесконечно великого. Но вот ударил колокол, прощайте! пора спать перед третьим обедом: это непреложный обычай Скотинии.

Я сам имел нужду в отдохновении после всего мною претерпенного и потому, убравшись в мою нору с Джоном, заснул крепким

сном, продолжавшимся до самого обеда. Хозяин сам разбудил меня и ввел в столовую, где находилось человек тридцать гостей разного звания, а между ними с десяток разумников Скотинии. Видно, что Дуриндос счел меня за ученого, судя по моему вопросу об астрономии и географии: ученые скотиниоты тотчас окружили меня и начали рекомендоваться таким образом, что если бы между нашими учеными кто стал говорить так о себе самом, то его наверное почли бы за сумасшедшего. Малый человек, вроде альбиноса, с мусикийским орудием за плечами, которого я счел гуслистом, первый подошел ко мне и сказал громким, звонким голосом:

— Знаете, милой мой, что я первый здесь философ, первый мыслитель. Я первый возжег светильник философии и около двух лет тружусь, хотя не постоянно, над сооружением памятника моему величию, то есть сочиняю книгу, которая будет заключать в себе всю премудрость веков прошедших, настоящего и будущего времени. Правда, что надо мною смеются и называют меня шутом, но зато я сержусь больно, бранюсь и сочиняю музыку

для романсов и песен, которые превозносятся в кругу моих родных столько же, как и моя философия. Ах! если бы вы читали мои творения, заключающиеся в нескольких статейках, и сравнили с сочинениями, вышедшими в свет прежде моих, вы удостоверились бы, что все у меня заимствовано. Жаль, что я молод, а то бы...

Молодой гуслист-философ продолжал говорить, а между тем другой взял меня за руку, повернул к себе и начал душить своею речью:

— Ну-те, сударь, ну-те, скажите-ка, видали ль вы на поверхности земли человека, который бы, отроду ничему не учившись, все знал, все решил, обо всем судил — и сделался всеобщим литературным самоучителем или письмовником. Это я, сударь, я! Да посмотрите на меня. До моего появления в свете ничего не было порядочного, и я, подобно флюгеру, показывающему направление ветра, объявляю мнение всех скотиниотов о разных предметах.

Он хотел говорить более, но слуга возгласил, что кушанье подано, и мой ученый, сказав: «Счастливо оставаться», бросился за стол.

Хозяин посадил меня между собою и каким-то старичком. Сначала, пока гости утоляли голод и жажду, царствовала в собрании тишина, и я воспользовался этим временем, чтобы расспросить старичка о некоторых занимательных для меня предметах.

— Откуда проникает свет в Скотинию? — спросил я старика. — Как обширна ваша страна и с чем граничит?

— Вид нашей страны уподобляется котлу с крышею, — отвечал старик. — Окружность Скотинии простирается на 300 000 шагов (около 200 верст), высота неизмерима. Жителей считается у нас до 17 000. В самой середине Скотинии, шагах в тысяче отсюда, находится огромное жерло или пучина, откуда исходит теплота и свет. Никто не исследовал поныне причины сего явления, и невзирая на то, что жерло сие есть источник плодородия и самой жизни нашей, ученые крайне не любят его за то, что не понимают его действия.

— Ах, государь мой! — продолжал старик. — Вся наша беда происходит от этих господ, называющих себя мыслителями, которые беспрестанно ссорятся между собою за

превосходство своего зрения, хотя наша порода вообще близорука. Каждый из них хочет иметь своих приверженцев; они беспрестанно говорят и пишут вздор и, желая доказать силу своих глаз, не употребляют нарочно огня или света, пишут впотьмах, наобум, и от этого сцепления букв происходит совершенная нелепица, которую они выдают нам за приговоры мудрости. По несчастью, эти мыслители у нас размножились, а что хуже всего, это их раздражительность, которая, при малейшем противоречии, доходит до бешенства. Берегитесь спорить с ними, а не то они наговорят вам грубостей.

Я поблагодарил моего соседа за предостережение и спросил его:

— С кем имею честь говорить?

— Я один из числа судей сего города, — отвечал сосед {Прошу читателей не забыть, что самохвальство и самонадеянность суть отличительные черты породы Скотиниотов.}.

— То есть вы законоискусник? — промолвил я.

— Извините, — возразил сосед, — я вовсе не знаю законов.

— Как же вы судите дела? — спросил я с удивлением.

— Я загадываю о деле и после того играю в бирюльки, — сказал скотиниот, — когда разберу бирюльки, то дело правое, а не разберу — не правое.

— Помилуйте! — воскликнул я. — Можно ли таким образом решить дела, от которых зависит участь семейств?

— А почему же нет? — сказал хладнокровно сосед. — Ведь одна сторона должна же выиграть и быть довольною, а в общей массе это все равно.

— Но справедливость, правосудие! — возразил я горестно.

— Это зависит от бирюлек {Читателям, вероятно, известна игра в бирюльки. Это деревянные палочки разных видов, которые бросают в кучу и разбирают крючком. Мне кажется, что это название происходит от глагола беру, и потому правильнее было бы назвать игру: берульки.}, — сказал сосед, улыбаясь.

Между тем, по мере наполнения желудков, гости становились разговорчивее; наконец,

между ними начался спор и крик. Каждый превозносил себя и защищал свое мнение. Благоразумнее всех показался мне хозяин, который на все вопросы отвечал одним мычанием: «Гм, гм, гм, гм», — и продолжал испивать вкусное вино.

В конце обеда спор дошел до такой степени, что хозяин, опасаясь драки, встал из-за стола и попросил гостей выйти на открытый воздух, чтоб рассеять и развлечь их хотя несколько. Более всех кричал маленький гуслист, который, желая заглушить прочих, принялся петь, с аккомпанементом своего муссийского орудия, гимн своего сочинения, из коего я удержал в памяти только следующие слова:

*Я великий человек
И философ знаменитый! — и
проч.*

Это был так называемый кавалерский обед, и женщины не выходили к столу.

Хозяин, заметив, что я скучаю в обществе ученых скотиниотов, повел меня на половину своей жены, где я нашел большое со-

бране прекрасного пола. Я с любопытством рассматривал наряды, состоявшие из разноцветных перьев, лоскутков, сеток, металлических побрякушек, ремешков, тесемочек и, словом, такой смеси, что я с первого взгляда не мог составить себе никакого понятия о костюме. Женщины были уже предуведомлены о моем прибытии и потому бросились ко мне и с удивлением рассматривали меня, как редкого зверя.

— Скажите мне, чем занимаются ваши женщины? — спросила хозяйка.

— Воспитанием детей, хозяйством и старанием угождать своим мужьям, — отвечал я. При сих словах все скотиниотки громко захотали.

— Неужели это кажется вам удивительным, милостивые государыни? — примолвил я. — Итак, позвольте спросить, кто же у вас воспитывает детей?

— Натурально, наемники! — отвечала хозяйка.

— А кто занимается хозяйством?

— Никто! — сказали скотиниотки в один голос.

— Мужья должны нам доставлять все нужное для содержания дома, удовлетворять нашим прихотям, а наше дело плясать, петь и прогуливаться! — сказала одна молодая, жеманная дамочка.

— И сочинять развлечения для наших мужей, или так называемые *капризы*! — промолвила другая дама.

— Все это кое-как свойственно молодости, — сказал я, — но к чему доведет такая жизнь в старости?

— Старость имеет свои приятности, — отвечала одна пожилая дама. — Тогда мы станем заниматься сплетнями, пересудами, сватовством.

— Спойте что-нибудь! — сказала одна скотинотка.

— Попляшите! — промолвила другая.

— Как вам нравится мой наряд? — спросила третья, и, наконец, все приступили ко мне с просьбами и вопросами. Видя, что мне невозможно от них отделаться, я притворился больным и вышел наверх, где застал гостей распростертых на земле, в изнеможении от споров и самохвальства.

Вскоре наступило время сна, и гости разбрелись по домам. Хозяин отвел меня в мою комнату, обещаясь на другой день показать все редкости и достопримечательные места в городе {Здесь недостает в рукописи нескольких страниц: может быть, Издателю удастся отыскать их на толкучем рынке, и тогда сообщит он их читателям при полном издании сего путешествия.}.

Пробыв целый месяц между скотиниотами, я до того соскучился, что возненавидел жизнь. Их подозрительность, упрямство, раздражительность, самонадеянность, при совершенном невежестве, ежедневно причиняли мне неприятности. Все мое удовольствие состояло в прогулке к жерлу, изливающему свет и теплоту. Атмосфера, окружающая сие жерло, припоминала мне благословенные страны земной поверхности, и я не мог насытить своего зрения исходящим оттуда светом, от которого убегали скотиниоты.

Однажды я встретил у сего жерла старика, вступил с ним в разговор и узнал, что он пустынный, посвятивший всю жизнь свою на

открытие пути в страну светлости, о которой гласит предание, что она находится под Скотиниею. Пустынник сказал мне, что уже несколько из его соотечественников проникли в сию страну и что он, наконец, открыл подземный ход, но не знает еще, куда он ведет, и боится один пуститься туда. Я вызвался сопровождать ему вместе с Джоном. Он с радостью на это согласился. Мы возвратились в город, запаслись съестными припасами и водою, нагрузили все это на телегу, запряженную 12 сурками, которыми снабдил меня добрый Дуриндос, и на другой день пустились в путь в подземный ход, в сопровождении пустынника.

Четыре дня сряду мы шли все вниз, во мраке; наконец, наступило мерцание; в подземном ходе делалось постепенно светлее, и на седьмой день мы вышли на пространный луг, где было светло, как на поверхности земли. Скотиниот упал на землю от восхищения, и мы, возблагодарив Бога за наше спасение, пошли навстречу к пастуху, который, играя на свирели, гнал стадо из веселой деревеньки, построенной на берегу ручья.

От пастуха узнали мы, что страна сия называется Светония; он говорил языком, составленным из русских, французских, английских и немецких слов, и потому я легко понимал его. Мы бросили на дороге нашу тележку с сурками и пошли прямо в деревню. Чистота домиков и одежды крестьян возвещала о их благосостоянии. Устройство тела нашего спутника, скотиниота, и наша одежда хотя возбуждали внимание жителей, но ни один из них не оскорбил нас насмешкою и не беспокоил неуместным любопытством. Измученные дальним путем, сели мы отдохнуть при колодце: тогда один старик подошел к нам и предложил прохладиться и успокоиться в странноприимном доме, где на общий счет всех жителей угощают путешественников. Мы с радостью на это согласились, и старик дорогою предложил мне вежливо вопрос о нашем отечестве. Я рассказал ему в нескольких словах мои приключения, и старик отвечал:

— У нас есть предание, что несколько скотиниотов перешло к нам в продолжение многих столетий. Здесь они теряют свои свойства

и делаются людьми, подобными нам. Об игнорантах я вовсе не слыхал. Что же касается до обитателей поверхности земли, которые, как я вижу, во всех частях тела похожи на нас и даже понимают наш язык, то хотя мы никогда их не видали, но знаем по теории вероятностей, что наша планета должна иметь поверхность, озаряемую светом небесным и обитаемую существами мыслящими.

— Чем же освещается ваша страна? — спросил я.

— Огнем, находящимся в средоточии земли! — отвечал старец.

— Итак, вы не знаете мрака?

— Мы доставляем себе иногда удовольствие наслаждаться темнотою, запирая ставни в домах или отдыхая в подземных пещерах: впрочем, у нас всегда светло и тепло.

Между тем мы пришли в гостиницу, построенную на возвышении; из окон ее увидел я обширный город, лежащий в долине, на берегу широкой реки.

— Это столица наша, — сказал старец. — Она называется Утопия.

— Утопия! — воскликнул я в восхище-

нии. — Место, которое мы тщетно отыскивали на поверхности земли!

— Оно здесь, в центре земли! — сказал старец.

— Итак, люди здесь счастливы? — спросил я нетерпеливо.

— Счастливы, сколько возможно существу, одаренному страстями и недугами, — отвечал старец. — Нас приучают с молодости, — продолжал он, — подчинять страсти рассудку, довольствоваться малым, не желать невозможного, трудиться для укрепления тела и безбедного пропитания, следовательно, для приобретения независимости, и наконец, употреблять все наши способности, все силы душевные и телесные на вспоможение нашим ближним. Исполняя все это и повинуюсь законам и законным властям, большая часть из нас счастлива, и если случается, что люди беспокойные вздумают нарушать общее благополучие, то им никогда не удастся, ибо в большом числе добрых злые не могут иметь ни влияния, ни силы.

Рассказ старца возбудил во мне сильное желание тотчас поспешить в Утопию, чтобы

собственными глазами осмотреть все постановления, делающие людей счастливыми. Отобедав в гостинице и поблагодарив старика, мы поспешили в город и чрез полчаса очутились у заставы.

Здесь нас остановили и спросили: откуда мы, зачем идем в город и чем будем содержать себя?

Эти вопросы показались мне странными, и я изъявил свое неудовольствие, сказав:

— Какое кому до меня дело? Я волен в своих поступках.

— Это правда, — отвечал один чиновник, — но большие города не должны служить убежищем лени, праздности и пороку. Мы должны знать, чем содержит себя житель города, не обрабатывая поля и не занимаясь должностью или мастерством. Эта предосторожность избавляет честных граждан от многих неприятностей. Мы также обязаны давать работу и занятие ищущим пропитания, объяснять весь городской порядок прибывающим сюда за делами, призирать сирот, неимущих, несчастных и странников.

— К какому же разряду вы причислите

нас? — сказал я и повторил мои приключения, со времени моего падения в подземную пропасть.

Чиновники слушали меня с величайшим любопытством, осматривали нашу одежду и сложение тела скотиниота и, удостоверившись из моего ломаного языка в том, что мы иностранцы, по кратком совещании, объявили нам, что мы будем содержаться в городской гостинице до тех пор, пока не изберем себе рода жизни и не узнаем языка и обычаев Светонии. Нам тут же дали одежду светонцев, похожую на древнюю греческую, в которой наш скотиниот казался чрезвычайно смешным. Один из чиновников взялся сам проводить нас в гостиницу и доложил обо всем городскому начальству.

Проходя городом, мы удивлялись чистоте его и довольству жителей. Улицы были широкие, и частные все дома вообще небольшие, в один этаж, с садом и цветниками перед окнами. Общественные здания, напротив того, были чрезвычайно великолепны, покрыты блестящим металлом с мраморными колоннами; резьбою и архитектурою превосходили они

все, что я видел в натуре и на рисунках. Экипажей было очень мало. Проводник сказал нам, что в Утопии только пожилые и заслуженные люди и больные ездят в повозках, запряженных волами; все прочие ходят пешком, как следует здоровому и бодрому человеку.

Прибыв в гостиницу, чиновник дал приказание в рассуждении нашего содержания и приставил к нам двух собеседников, вроде итальянских чичероне, чтоб во всякое время водить нас по городу, показывать и объяснять нам все достойное любопытства и знакомить с здешними обычаями. Скотиниот и Джон изъявили желание остаться дома и отведать всех напитков Утопии, полагая, что счастливые люди должны иметь хорошее вино, а я, с моим собеседником, пошел бродить по городу. Я чрезвычайно удивился, вовсе не встречая женщин на улицах, и спросил у моего собеседника:

— Неужели вы женщин держите взаперти, как индеек, подобно нашим азиятцам?

— Напротив того, они пользуются у нас совершенною свободою, — отвечал светонец, —

но они имеют столь много занятий дома, что, исключая часов, назначенных для публичных прогулок, им некогда бродить по улицам. Домашнее хозяйство, воспитание детей и все работы, не требующие больших усилий, предоставлены у нас женскому полу. Женщины ходят за больными, приготавливают лекарства, пищу, одежду, наблюдают за чистотою в домах, и праздность почитается у нас величайшим пороком в женщинах.

В это время я вспомнил о наших бесконечных визитах, прогулках, посещениях всех лавок и магазинов без нужды и без дела и невольно улыбнулся.

Светонец заметил это и спросил меня:

— Разве у вас праздность не почитается пороком?

— Не всеми, — отвечал я, — при всем том я полагаю, что ваши женщины не трудятся столько, как наши. Знаете ли вы, что такое мода? — промолвил я.

— Нет, — сказал светонец.

— Итак, я вам растолкую: мода есть обычай переменять как можно чаще цвет и покрой платья, вид прически, фасон шляпок,

форму экипажа и домашних приборов, даже образ жизни, занятий, увеселений и самого горя или траура.

— То есть вы беспрестанно усовершенствуете ваши изобретения и промениваете их на лучшее? — сказал светонец.

— Если б это было так, как вы говорите, — возразил я, — тогда мода почиталась бы путем усовершенствований; но, по несчастию, часто выходит напротив. Мы меняем покойное на беспокойное, твердое и крепкое на слабое, красивое на безобразное потому только, что так велит мода.

— Кто же изобретает моду? — спросил светонец. — Без сомнения, отличнейшие и умнейшие люди?

— Вы не мастер угадывать, — сказал я. — Моды изобретают полсотни швей, в одном большом городе, и знатные дамы более повинуются уставам ветреной швей, нежели... но не в этом дело. Я вам сказал, что наши женщины более трудятся: теперь вам будет это понятнее, когда я скажу, что прекрасный пол высшего звания занимается у нас модами, то есть женщины не работают сами, но только

наряжаются, обновляются и преобразуют все в доме. Это отнимает у них все время, и едва остается в сутки несколько часов на визиты, осмотр магазинов и прогулки, и потому другую половину суток, то есть неизвестную вам ночь, посвящают они на балы, собрания и т. п. Итак, наша светская женщина находится в беспрестанной работе и гораздо скорее приходит в изнеможение и теряет силы, нежели простая крестьянка, достающая себе пропитание в поте чела.

— Но какая польза от этой так называемой работы? — спросил светонец.

— Это другой вопрос, — сказал я, — на который трудно отвечать.

В это время мы приблизились к одному огромному зданию.

— Это суд, — сказал светонец.

— Итак, у вас есть суд, следовательно, и тяжбы! — воскликнул я. — Позвольте усомниться в счастии жителей Утопии.

— Не будьте опрометчивы, — возразил светонец. — Люди не могут руководствоваться собственной волею, как животные инстинктом, и потому, для определения правого и

неправового, составлены законы, а где законы, там должны быть и блюстители правосудия, которые обязаны разрешать трудные вопросы юридические в сомнительных случаях.

— Есть ли у вас ябеда в судах! — спросил я.

— Не знаю, что такое ябеда, — сказал светонец. — Растолкуйте.

— Когда вы не знаете ябеды, то я начинаю верить вашему счастью.

Мы вошли в огромное здание, которое было совершенно пусто.

— Где же толпы канцеляристов, где толпы просителей, поверенных?

— Мы ничего этого не знаем, — сказал светонец. — Незаконного не просим и не желаем, следовательно, и не знаем тяжёб. Но войдемте в судейскую.

В огромной зале лежала на налое небольшая книга законов; другая книга, журнал текущих дел, лежала на столе, и несколько дежурных судей дремало на стульях.

— Теперь более уверяюсь в счастье Утопии, — сказал я на ухо своему проводнику, — когда вижу, что судьи дремлют не от лени, а от безделья.

В это время судьи проснулись, и один из них подошел к нам и спросил, не требуем ли мы справки с законами или разрешения какого-нибудь спора. Узнав, что я чужестранец и посетил Суд из одного любопытства, судьи просили меня присесть и отдохнуть. Разговаривая с ними более часа о различных предметах, я узнал, что у них вовсе не случается тяжб, а только бывают сомнения насчет законных или незаконных поступков или действий, и в таком случае их обязанность состоит в буквальном толковании законов. О взятках они даже не имели понятия. Распростившись с судьями, мы вышли на улицу и встретили толпы мальчиков и девочек, идущих в публичную школу учиться мастерствам и всякого рода механическим занятиям. Каждый светонец обязан непременно знать какое-нибудь искусство или мастерство, чтобы, в случае нечаянной потери своего имущества, мог пропитать себя собственными трудами.

— В каком состоянии ваша словесность? — спросил я.

— В самом блестящем, — отвечал свето-

нец. — Наши поэты воспевают славу Всевышнего и добродетели своих соотчичей; прозаики занимаются развитием и распространением полезных нравственных истин различными способами, посредством истории, романов, повестей, трагедий, комедий, сатир и т. п.

Ученые трудятся над открытием и усовершенствованием в науках и художествах; артисты и художники работают для славы отечества, и все писатели, ученые и художники пользуются уважением в обществе, как люди, отличные от прочих большим количеством мыслящей силы и старающиеся о славе народа, о пользе общей.

— А как же они живут между собою? — спросил я.

— В мире и согласии! — отвечал светонец.

— Быть не может! — воскликнул я. — Разве у вас нет журналов?

— Напротив того, множество! — отвечал он.

— Чем же они наполняются?

— Любопытными статьями, неизвестными публике, и критикою, — сказал светонец.

— Не понимаю, как можно согласить критику с миром и дружбою между литераторами! — возразил я.

— А я удивляюсь, как можно сердиться за благонамеренную критику, — сказал светонец, — особенно людям, которые по своему званию должны подавать пример снисходительности и правдолюбия.

— Все это прекрасно, — воскликнул я, — но признаюсь, у нас очень редко исполняется, а именно потому, что мы часто вводим личные наши страсти в литературу и что с некоторого времени коммерческие выгоды и расчеты занимают иных словесников более, нежели польза словесности и удовольствие читателей.

— Но скажите, — примолвил я, — неужели вы не знаете клеветы, зависти, мщения и других унижительных для человечества пороков?

— Знаем по преданиям, — отвечал светонец, — когда предки наши были в невежестве, когда и страсти управляли их деяниями, но просвещение довело нас до того, что все побуждения покорены совести и рассудку, и с тех пор мы счастливы.

— Какое же наказание полагается у вас за вистливым и клеветникам? — сказал я. — Ибо невозможно, чтобы иногда не появлялись сии чудовища.

— Презрение! — отвечал светонец. — Мы осуждаем людей по их делам, а не по рекомендациям, не слушаем никаких внушений без доказательств ясных, следовательно, и клевета остается недействительною.

Разговаривая таким образом, мы пришли в публичный сад, где в это время прогуливалась большая половина жителей столицы. Я не мог наглядеться на простоту и прелесть женских нарядов. Простые белые платья, соломенные шляпки и цветы, вот все украшение юности. Пожилые женщины носили красивые плащи и шляпки темного цвета, с зелеными ветками и зрелыми колосьями. Молодые люди не толкались в толпе, не смеялись смотря в глаза незнакомым, не заглядывали под шляпки. Пожилые люди и старики не подражали юношам, не ветреничали, но соблюдали важность и скромность в своих поступках. Женщины не приводили в краску неопытных юношей, устремляя на них сме-

лые взоры и лорнеты. Матери не стыдились прогуливаться с взрослыми своими дочерьми, и отцы семейств ходили под руку с женами и не приветствовали женщин, незнакомых их женам. Одним словом, в этом саду я увидел такие вещи, о которых никогда даже не мечтал на поверхности земли.

Возвратившись в нашу гостиницу, я застал моего Джона и скотиниота в весьма дурном расположении духа. Они жаловались, что хозяин дал им прекрасного вина, но очень мало, приглашая пить ключевую и минеральную воду; поэтому они заключили, что Светония должна быть страна скучная, не просвещенная и бедная, ибо у нас и в Скотинии чем лучше угощение, тем более дается вина. Я не заблагорассудил вступать в споры с своими спутниками и лег в постелью, чтобы отдохнуть после прогулки. Долго не мог я заснуть: мне все мечталось счастье Утопии, где нет взяток, ябеды, клеветы, зависти, где литераторы живут в мире и согласии, женщины занимаются домашним хозяйством и не разоряются на нарядах, где молодые люди скромны, а пожилые не подражают юношам в ветрености; на-

конец я заснул...

Здесь конец рукописи — и снова оторвано несколько листов. На переплете написано было рукою Архипа Фаддеевича следующее: «Не знаю, что ты заключишь из этого путешествия к средоточию Земли, но мне кажется, что первая полоса, или *Игноранция*, означает **совершенное невежество**; вторая полоса, или *Скотиния*, полуобразованность, **полуученость**, что гораздо хуже невежества, а третья полоса, или *Светония*, истинное **просвещение**, делающее людей добрыми, благонамеренными, смирными, скромными и честными».

Я не смею учить публику и потому оставляю ей на разрешение, справедливо ли заключение Архипа Фаддеевича.

Примечания

Красоуля, красовуля — (ново-греч. *krasuari*, от *krasi* — вино, и *hyalos* — стакан). Большой сосуд для напитков, употребляемый в монастырях. (Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. — Чудинов А.Н., 1910.) (Примечание С. П.)

[^^^]